

АКТОРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В. В. Алексеев

ГОСУДАРСТВО КАК АКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВВ.*

УДК 94(470) «18/49»

ББК 63.3(2)531

Статья посвящена роли государства в модернизации России в конце имперского периода. Будучи главным актором модернизационного процесса, имперская власть в пореформенный период не столько форсировала переход от традиционного аграрного к современному индустриальному обществу, что является главной задачей модернизации, сколько стремилась создать индустриальную базу для укрепления обороноспособности государства. Это проявилось в интенсивном железнодорожном строительстве, в формировании экономики «угля и стали», в урбанизации, в развитии системы народного образования, в усилении внимания к науке. Однако создать цельную концепцию российской модели модернизации, нового государственного устройства, промышленной политики и социально-культурной сферы не удалось, что привело к трем революциям в начале XX в.

Ключевые слова: *актор, государство, демография, железнодорожное строительство, завод, империя, индустриализация, капитал, капитализм, металлургия, модернизация, наука, оборона, промышленная политика, революция, урбанизация, феодализм*

Рубеж XIX и XX вв. в истории России широко освещен в научной и публицистической литературе, но он рассматривается преимущественно с позиций предпосылок серии революций начала XX столетия, тогда как не менее важно взглянуть на него с точки зрения включения Российской империи в мировую индустриальную цивилизацию, ее перехода от традиционного аграрного к индустриально-урбанистическому обществу, т. е. сквозь призму теории модернизации. Несмотря на то что модернизация в Европе началась еще в XV–XVI вв., она до начала XIX в. оставалась преимущественно сельской. В Скандинавских и Балканских государствах и в России около 90–97% населения составляли сельские жители. Даже в более развитых странах доля сельского населения составляла до 80–90%. Во многих странах продолжало существовать крепостное право. К числу крупных городов относились только Лондон и Париж, 20 городов назывались средними, остальные провинциальные городки были тесно связаны с сельским хозяйством. В промышленности преобладали полукустарные предприятия. Грамотность населения

находилась на низком уровне, что препятствовало проведению инновационных мероприятий, а его менталитет отражал типичные ценности традиционного общества. Так продолжалось до «двойственной революции» — французской 1789 г. и происходящей одновременно с ней британской промышленной революции.¹

Россия, начавшая модернизационный процесс почти на два столетия позднее Западной Европы, в начале XVIII в. сделала рывок на встречу своему великому индустриальному будущему. По указанию Петра I, начиная с 1701 г. и до середины XVIII в. на Урале было построено более 70 металлургических заводов, а во второй половине века — свыше 100 предприятий, не уступающих по техническому оснащению европейским заводам. Россия за счет промышленного развития Урала вышла на первое место в мире по производству черных металлов, обогнав Англию и Швецию. На мировом рынке русское железо привлекало внимание покупателей высоким качеством и низкой себестоимостью и сыграло принципиально важную роль в промышленном перевороте в Англии. Это, безусловно, впечатляющие результаты для начала модернизации.²

Алексеев Вениамин Васильевич — академик РАН, советник РАН, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: veniaminalekseev7@mail.ru

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ №14-18-01625 «Актеры российской имперской модернизации (XVIII — начало XX вв.): региональное измерение»

¹ См: Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону, 1999. С. 6, 20.

² Подробнее об этом см.: Алексеев В. В. Россия в модернизирующемся мире // История России: Теоретические проблемы. Модернизационный подход в изучении российской истории. М., 2013. С. 203, 204.

При преемниках Петра I государственная инициатива по развитию модернизации заметно сократилась. По мнению А. Б. Каменского, Екатерина II полагала, что «главным занятием населения страны должно остаться земледелие, а мануфактурное производство должно либо занимать свободное время земледельцев, либо поглощать избыточную рабочую силу». Она считала вредным большое скопление людей в городах, возмущалась концентрацией промышленности в Москве.³ В итоге реформы Екатерины II не устранили главных препятствий на пути модернизации — крепостного права и самодержавия. Аналогичная ситуация наблюдалась при последующих монархах — Александре I и Николае I. Империя по-прежнему оставалась традиционным обществом, хотя предпринимались попытки вывести ее из этого состояния. В данной связи необходимо по-новому взглянуть на роль движения декабристов. В трактовке Николая I, это государственные преступники, с точки зрения Ленина и советских историков, они первые революционеры в России, а с нашей — недооцененные акторы российской модернизации. В самом деле, они выступили против главных препятствий модернизационного процесса в стране — самодержавия и крепостничества, а многие из тех, кто избежал смертной казни, в меру своих возможностей содействовали преобразованию Отечества, не говоря уже об их подвижнической деятельности во время ссылки на попрание повышения образования и культуры народа.

Впрочем необходимо иметь в виду, что в первой половине XIX в. Россия не представляла принципиального исключения в мировой истории. Тогда подавляющим большинством населения Земли по-прежнему оставалось крестьянство, не был полностью искоренен и подневольный труд. Период всеобщей индустриализации наступил только после 1848 г.,⁴ когда рабство заменил наемный труд, развернулась массовая капиталистическая модернизация. Со второй половины XIX в. во всем мире ускорился переход от традиционного аграрного общества к современному по тому времени индустриально-урбанистическому обществу. Страны первого эшелона модернизации — Англия, Франция, США встали на путь завершения этого перехода.

³ См.: Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999, С. 351.

⁴ См.: Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 240.

Россия, находясь во втором эшелоне, активизировала свои усилия в этом направлении, особенно после отмены крепостного права и буржуазных реформ 1860–1870-х гг. Ей предстояло преодолеть значительное отставание от передовых стран. Почти 20 лет со времени отмены крепостного права уровень индустриализации на душу населения поднялся в России по сравнению с Англией лишь на 2 % и составил 10 % в 1880 г.,⁵ когда началась настоящая индустриальная революция в стране.

Последний третьековой предвоенный период имперской модернизации России получил противоречивое истолкование в историографии. Начиная с известной ленинской работы «Развитие капитализма в России» и до ликвидации советской власти, этот период представлялся в отечественной историографии крайне негативным; менее пессимистично выглядел он в постсоветских сочинениях, и совсем оптимистично — в книге американского специалиста по экономической истории России П. Грегори, который пишет: «Российская экономика росла быстро или даже быстрее, чем британская, германская, норвежская и итальянская...».⁶ Более того, в заключении книги он утверждает: «Опыт рыночной экономики России того времени можно считать успешным, несмотря на то что в политических и научных кругах он традиционно рассматривался как неудачный».⁷ Отсюда автор делает вывод: «Сталин не был необходим, так как все долгосрочные цели развития России/СССР могли быть достигнуты на путях функционирования стабильной рыночной экономики».⁸ Мы не пытаемся опровергнуть этот вывод, хотя такие противоречивые оценки затрудняют нашу задачу изучения акторов последнего этапа российской имперской модернизации.

В силу цивилизационного своеобразия и особенностей исторического процесса в России ведущим актором догоняющей модернизации выступало государство, которое инициировало этот процесс в ответ на зарубежные вызовы, проводило через свои структуры с опорой на определенные социальные слои и в значительной степени финансировало, что отчетливо проявилось в рассматриваемый период.

⁵ См.: Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. Т. 2. М., 2013. С. 107.

⁶ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 25.

⁷ Там же. С. 248.

⁸ Там же. С. 249.

Последовательный и яркий идеолог модернизации России С. Ю. Витте разъяснял: «В России, по условиям жизни нашей страны, потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличает ее от Англии, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность... В Англии класс чиновников должен только направлять частную деятельность. В России же кроме направления частной деятельности он должен принимать непосредственное участие во многих отраслях общественно-хозяйственной деятельности».⁹ Тем более что предстояло решить, по крайней мере, два судьбоносных вопроса, без которых модернизация не могла состояться, — отменить крепостное право и разработать меры по стимулированию систематического экономического роста.

Возрастание акторской роли государства на рубеже XIX и XX в. диктовалось условиями догоняющей модернизации, необходимой концентрации усилий нации в этом направлении и особенно капитала, которого в связи с очень низким уровнем потребления основной массы населения было крайне мало для ускорения экономического роста, а система привлечения зарубежных финансовых средств была еще недостаточно отработана. Вместе с тем существовали предпосылки для осуществления государством роли актора модернизации, так как государство было крупнейшим собственником средств производства: богатых природными ресурсами недр, земельных угодий, лесов, транспортных артерий, горных заводов и оборонных предприятий; оно полностью контролировало кредитно-денежную систему, монополизировало спирто-водочную торговлю, что давало немалые прибыли.

Если до середины XIX в. проблема модернизации сводилась в России преимущественно к преодолению отставания от иноземных держав в области вооружений, то во второй половине века она охватила всю индустриальную сферу, прежде всего железнодорожное строительство, которое повлекло за собой ускорение развития металлургии и машиностроения. Причин такого поворота событий немало. Выделим две главные: во-первых, это мировой железнодорожный бум, во-вторых, необходимость «скрепления» всей территории необъятной страны

в стратегическом и экономическом отношении. Если в России до 1861 г. было построено только 1867 км железных дорог, то в Германии — более 8 тыс., а в США — свыше 40 тыс. В следующем пятилетии Россия вышла на уровень Франции и превзошла Германию. Пиковыми стали 1896–1900 гг., когда было в России построено 16 204 км железных дорог, что почти в 4 раза превышало германский показатель и в восемь раз французский.¹⁰ Примечательно, что государство не только само строило железные дороги, но и активно выкупало частные дороги. За первое пятилетие 1880-х гг. было выкуплено в казну 1,3 тыс. верст частных железных дорог; за последующие 7 лет — еще 5,6 тыс. верст; за трехлетие (1893–1895 гг.) — свыше 10 тыс. верст старой железнодорожной сети.¹¹ Длина железных дорог страны на конец 1913 г. составляла 63 758 верст (68 017 км), из них на государственные линии приходилось 44 712 верст, на частные — 19 048 верст.¹² «Железнодорожное строительство, — по мнению И. Ф. Гиндина, — являлось ведущим звеном индустриального процесса и главным рычагом государственного воздействия на экономику...»¹³

Во второй половине XIX в. Россия быстро наращивала темпы промышленного развития, переходя от традиционно-аграрной экономики к индустриальной, особенно «угля и стали». С 1870 г. по 1913 г. добыча угля увеличилась в 36 раз, а производство чугуна — в 13 раз (Россия находилась по этим показателям на четвертом месте среди европейских стран).¹⁴ По среднегодовым темпам прироста промышленной продукции (5,2%) она обогнала все страны Европы и США,¹⁵ но по объему промышленного производства в 1913 г. Россия уступала Франции в 2,5 раза, Англии — в 4,6 раза, Германии — в 6 раз, США — в 4,3 раза.¹⁶

Перед российской модернизацией стояла задача догнать лидеров мирового модернизационного процесса или, по крайней мере, приблизиться к ним. Для этого существовали некоторые предпосылки, в частности использование

¹⁰ См.: Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. кн. 2. ч. 2. М., 2006. С. 587.

¹¹ Там же. С. 607.

¹² Там же. С. 621.

¹³ Там же. С. 589.

¹⁴ См.: Кембриджская экономическая история Европы... С. 113.

¹⁵ См.: Вишневский А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. Изд. 2-е. М., 2010. С. 12.

¹⁶ См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1948. С. 288.

⁹ Цит по.: Мау В. А. Сочинения. Т. 1. М., 2010. С. 73.

технологических и институциональных достижений развитых стран. Центральным вопросом государственной политики была концентрация ресурсов на «прорывных» направлениях технического прогресса, мобилизация всех сил и средств, доступных в данный исторический период. Экономическая политика государства в этих условиях перешла к активным мерам регулирования хозяйственной жизни на пути ускоренной модернизации. Это проявилось в создании специфической налоговой системы, позволявшей извлекать доходы, получаемые в сельском хозяйстве, и направлять их в первую очередь на развитие индустриализации, в активной протекционистской политике, в покровительственном таможенном тарифе, выкупе железных дорог в казну и развертывании их строительства за счет государства. Ускоренная модернизация характеризовалась значительными масштабами вмешательства государства в процесс аккумуляции капитала и перераспределения его от традиционных секторов экономики к приоритетным, что расценивалось некоторыми критиками режима как построение бюрократического социализма.

Отличительной особенностью индустриализации России стало то, что в результате государственного регулирования отрасли тяжелой промышленности развивались быстрее, чем легкой. Это происходило вследствие необходимости форсирования железнодорожного строительства и создания современной военной промышленности, которая требовала огромного количества продукции металлургии и машиностроения. Формировались новые промышленные районы, особенно на юге страны (Харьковская и Ростовская губернии, Донбасс и др.), где развивались угледобыча, металлургия и машиностроение. В последние три-четыре года XIX в. там вступили в строй 17 металлургических заводов, которые поставляли более половины металлургической продукции России. А на северо-западе с центром в Санкт-Петербурге разрастался мощный военно-промышленный комплекс на базе крупных предприятий тяжелой промышленности, обеспечиваемых надежными государственными заказами.

Развитию оборонной промышленности государство уделяло первостепенное внимание. На военных программах «выросли» крупные финансово-промышленные группы. Так, группа Русско-Азиатского банка контролировала «Общество Путиловских заводов» (производ-

ство артиллерии, боеприпасов, судостроение), Невский судостроительный завод, «Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов», Ревельский судостроительный завод, «Общество Тульских доменных печей» и Юзовский завод; группа Санкт-Петербургского международного коммерческого банка — судостроительное предприятие в Николаеве, «Русско-Бельгийское металлургическое общество», Петербургский металлический завод, Сормовский завод (судостроение, паровозостроение), Коломенский завод (паровозостроение) и др.¹⁷ Расходы Военного министерства за 1900–1913 гг. выросли с 300,9 млн руб. до 581,1 млн, а Морского министерства — соответственно с 78,7 млн руб. до 244,8 млн. На долю этих министерств в 1913 г. приходилось 26,7% обыкновенного бюджета России, а с учетом чрезвычайного бюджета — 28,2%.¹⁸

В результате формально к началу Первой мировой войны русская армия превосходила армии европейских держав по всем основным показателям: по численности мобилизованных (5,3 млн чел. — в России, 3,8 — в Германии, 2,3 — в Австро-Венгрии, 3,7 — во Франции, 1 млн чел. — в Великобритании), количеству орудий (7 тыс. — в России, 6,5 — в Германии, 3,2 — в Австро-Венгрии, 3,3 — во Франции, 1,2 тыс. — в Великобритании), количеству самолетов (263 — в России, 232 — в Германии, 65 — в Австро-Венгрии, 156 — во Франции, 90 — в Великобритании). Однако состояние армии, ее вооружения, инженерных сооружений, коммуникаций и т.д. не удовлетворяло военных. Поэтому программы развития вооруженных сил принимались вплоть до 1914 г. Обращает на себя внимание то, что на комплексную реконструкцию военных заводов средства были выделены только за год до начала войны. Многие производства пришлось разворачивать уже во время войны.¹⁹

К началу XX в. потребности России в машинах и оборудовании на одну треть удовлетворялись за счет собственного производства. В 1913 г. более половины электрических машин и электрооборудования, используемых в стране, производилось на ее заводах. Действовало восемь паровозостроительных заводов,

¹⁷ См.: Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне: Генералы и политика. М., 2000. С. 353, 354.

¹⁸ См.: Петров Ю. А. Государственный бюджет Российской империи. URL: <http://www.protown.ru/information/hidden/6612.html> (дата обращения: 20.06.2015).

¹⁹ См.: Шацилло К. Ф. Указ. соч.

которые удовлетворяли практически все потребности государства. Осваивалось производство автомобилей и даже самолетов.²⁰

Несмотря на заметные успехи имперской модернизации рубежа XIX и XX вв., технико-экономическое отставание России от передовых держав той эпохи все-таки не было преодолено. Накануне Первой мировой войны российская промышленность давала только 20 % национального дохода страны, тогда как в Англии и Германии на долю промышленности приходилось соответственно 43 и 44,7%. Тогда же лишь 14,6 % населения Российской империи составляли горожане, 22 % — были заняты вне аграрного сектора (против более 50 % всего самодеятельного населения стран Западной Европы). В доходах на душу населения Россия отставала от государств Западной Европы в 2,5–4 раза.²¹ Очень важно еще и то обстоятельство, что энергетической базой российской промышленности оставался преимущественно паровой двигатель, тогда как западноевропейская индустрия активно переходила на электрический.

Концентрированное выражение государственной политики в области модернизации на рубеже веков находим во всеподданнейшем докладе императору Николаю II Министра финансов С. Ю. Витте (1900 г.). Этот документ дает возможность в обобщенном виде представить реальную ситуацию в стране и конкретные правительственные меры по развитию индустриализации. В нем, разумеется, отсутствует слово «модернизация», но он раскрывает ее смысл и позволяет довольно ясно судить о государстве как акторе модернизационного процесса в Российской империи. Приведем некоторые свидетельства на этот счет.

В докладе С. Ю. Витте утверждается, что за два десятилетия (1878–1897 гг.) страна более чем утроила свою горную и фабрично-заводскую промышленность, что превышает темпы роста промышленности экономически развитых государств. Тем не менее, по данным 1898 г., на одного жителя России приходилось 1,04 пуда чугуна, тогда как в Англии — 13,1 пуда, в Германии — 8,1 пуда, в США — 8,9 пуда. Производство каменного угля на

одного россиянина было в 20 раз ниже, чем в Германии, и в 34 раза меньше, чем в Англии.²²

Исходя из этого делался вывод: «Россия и по настоящее время остается страной по преимуществу земледельческой, а при сложившемся ныне строе политических и экономических международных отношений земледельческая страна, не имеющая своей собственной промышленности, достаточно развитой, чтобы удовлетворять главным потребностям населения продуктами отечественного труда, не может почитать свою мощь непоколебимой, без своей собственной промышленности она не может достигнуть настоящей экономической независимости, а опыт всех народов наглядно показывает, что только хозяйственно самостоятельные народы оказываются в силе проявлять в полной мере и свое политическое могущество... В настоящее время политическое могущество великих государств, призванных выполнять исторические задачи, создается столько же духовными силами народа, сколько и его экономическим строем, и даже боевая готовность страны определяется не одним уровнем ее военной организации, но и степенью развития ее промышленности... и было бы роковой исторической ошибкой предполагать, что с удовлетворением этой насущной потребности в создании широкой и разнообразной промышленности можно медлить».²³

Столь длинная цитата содержит официальное объяснение социально-экономического положения страны и со всей очевидностью доказывает неотложность ускорения ее индустриализации. Однако для этого России не хватало национального капитала. Его общий объем, привлеченный в промышленное и торговое развитие, в записке определяется приблизительно в 2 млрд руб., из которых только около 50 % русского происхождения, т. е. около 8 руб., приходится на душу населения, тогда как в Англии — более 300 руб. Поэтому выдвигается задача привлечения капиталов из-за границы. В записке предложена система государственных мер по выполнению этой задачи и по совершенствованию внутреннего российского законодательства в интересах национальной промышленности, в том числе по борьбе с проявлениями ведомственной разобщенности и чиновничьего произвола «от урядника и восходя до генерал-губернатора».

²⁰ См.: Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 39.

²¹ Там же. С. 40.

²² См.: Докладная записка Витте Николаю II // Историк-марксист. 1935. № 2/3. С. 131, 132.

²³ Там же. С. 133.

Автор записки, исходя из того, что «более широкое и быстрое развитие промышленности становится первостепенною государственною задачею», предлагал масштабную систему правительственных мер по ее осуществлению, уповая на то, что забота «императорского величества о надлежащем направлении нашей промышленности должна бы находить себе такое же объединенное и стройное выражение, какое подданные привыкли получать по прочим отраслям государственного управления: иностранных дел, внутренних дел, военному, судебному и т. д.».²⁴ В заключение он испрашивал монаршего соизволения на сосредоточение руководства промышленностью в Министерстве финансов. Такая централизация состоялась, что привело в дальнейшем к созданию специального Министерства торговли и промышленности (1905 г.). Символично, что оно было организовано последним в системе российской государственности, а принципиально значимое слово «промышленность» тоже стояло в названии последним.

Традиции вмешательства государства в сферу экономики, активного стимулирования развития национальной промышленности зародились еще при Петре I. Однако вплоть до последней трети XIX в. взаимоотношения государства с промышленным сектором экономики носили эпизодический характер, лишь с 1870–1880-х гг. индустриальное развитие становится непосредственной заботой правительства, а с начала 1890-х гг. интенсивный рост фабрично-заводской промышленности начинает выступать в качестве самостоятельной и ключевой задачи экономической политики российского государства.

Первая программа промышленного развития России датируется 1893 г., когда министром финансов С. Ю. Витте было подготовлено представление «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур» для Государственного совета.²⁵ Дальнейшее развитие эта идея получила в записках Витте на имя императора Николая II «О необходимости установить и затем непременно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики Империи» (1899 г.) и упомянутой выше «О положении нашей промыш-

ленности» (1900 г.).²⁶ В документах особенно подчеркивалось, что государство должно не только заботиться об общих условиях производства, но и «детально входить в самую глубь интересов разнообразных отраслей». Видимо, столь поздняя официальная постановка вопроса о промышленной политике привела к слабому освещению темы в исторических исследованиях, несмотря на то, что экономической истории России посвящена огромная литература. Место работ о промышленной политике явно непропорционально их объективному значению.

К числу важнейших задач промышленной политики государства относились протекционизм и привлечение иностранных капиталов. Протекционизм преследовал цель покровительства слаборазвитой национальной промышленности за счет строгих запретительных тарифов и пошлин. Витте заявлял, что «отречение от серьезного покровительства своей промышленности было бы не чем иным, как добровольным согласием на установление международного обмена, условием вполне очевидной неприкрытой эксплуатации своих производительных сил, т. е. на условиях не совместимых с достоинством великой державы».²⁷ На практике эта мера имела как позитивные, так и негативные результаты, но оставалась необходимой на этапе становления отечественной промышленности.

Активизация привлечения иностранных капиталов связана в России с тем, что после реформы 1861 г. страна встала перед жесткой необходимостью перехода к индустриально-технологическому типу организации экономики и преодоления отставания в этой сфере. Иностранные капиталы привлекались в двух формах — в форме займов (государственных или гарантированных правительством) и так называемых «предпринимательских» займов (организованных «на» или «при помощи» иновложений предприятий). К 1914 г. иновложения в облигации государственных и гарантированных правительством займов составили 4,5 млрд руб.²⁸

В конце XIX в. принципиальное для страны значение имело упрочение ценности внутрен-

²⁴ Докладная записка Витте Николаю II... С. 139.

²⁵ См.: Судьбы России: доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб., 1999. С. 289–328.

²⁶ Там же. С. 331–358.

²⁷ Всеподданнейший доклад Министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1897 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1897. № 1. С. 7.

²⁸ См. об этом: подробнее: Алексеев В. В., Сапоговская Л. В. Исторический опыт промышленной политики в России. Екатеринбург, 2000. С. 59–62.

ней денежной единицы — рубля — посредством его размена по золотому курсу. Подготовка этой важнейшей государственной операции заняла более 15 лет и завершилась денежной реформой 1895–1897 гг. Она способствовала «запуску» внутренних механизмов роста экономики, что принципиально важно в условиях модернизации. Более того, реформа включила Россию в мировую систему золотого стандарта.

Большую сложность для российского государства представляла оборотная сторона модернизации — аграрный вопрос, который, по словам Д. И. Менделеева, «требовал мировой сделки между сельским хозяйством и фабрично-заводской промышленностью». Феномен промышленного бума последнего десятилетия XIX в. развивался на фоне невиданного разрыва между сельским хозяйством и промышленностью. Страна по важнейшим показателям производства продукции на душу населения была отброшена на десятилетия назад по сравнению с Западом. А циклический промышленный подъем 1911–1914 гг. проходил в условиях практически полного прекращения «перекачки» рабочей силы в промышленность, при этом ее дальнейшее развитие становилось весьма затруднительным. Отраслевая решетка ограничивалась уровнем, достигнутым в период подъема 1890-х гг. и включала преимущественно традиционные отрасли.²⁹

Одним из основных результатов модернизации России на рубеже XIX и XX вв. стал важный шаг на пути от традиционного сельского общества не только к индустриальному, но и к городскому обществу. Если до середины XIX в. удельный вес горожан в стране находился на уровне примерно 10 %, а 80 % городов имели преимущественно административные функции, то к 1913 г. он поднялся до 15 % что имело глубокие социально-экономические последствия.³⁰ На первый взгляд разница в 5 % не так уж велика, но это обозначило начало участия России в принципиально значимом мировом урбанизационном процессе, хотя и сильно запоздавшем.

Роль государства как актора урбанизации была меньше, чем в промышленном развитии и железнодорожном строительстве, но значимость для перспектив перехода от традици-

онности к современности больше, поскольку «модернизация из заботы государственной становится заботой личной, вопросом жизни и смерти каждого».³¹ В 1885 г. в России было 13 городов со стотысячным населением, а в 1914 г. — уже 29.³² Петербург и Москва к концу XIX в. стали городами-миллионерами. И тем не менее накануне Первой мировой войны порядка 80–85 % населения России оставалось сельским.

Противоречиво развивалась социокультурная модернизация. С одной стороны, государство было вынуждено поднимать культурно-технический уровень народа для обеспечения нужд модернизации, а с другой — боялось разрушить его традиционную покорность, обострить противоречия между сословиями, вековыми традициями и новациями модернизации, тем самым оно усугубляло социокультурный раскол общества. По оценке Б. Н. Миронова, «к началу XX в. только дворянство и духовенство (2 % всего населения России) достигли почти полной грамотности; остальные сословия находились на уровне грамотности западноевропейских стран XVII в.: грамотность среди мужчин старше 9 лет в конце XVIII в. 6 %, в 1850 г. — 19 %, в 1913 г. — 54 %, у женщин — соответственно 4, 10 и 26 %... Положение столь серьезно изменяется в начале XX в., особенно после того, как в 1908 г. Государственная дума приняла Закон о постепенном, в течение 10 лет, введении всеобщего обязательного начального образования, и верховная власть поддержала эту инициативу. Грамотность стала быстро повышаться, обгоняя даже текущие потребности народа в ней...»³³

Правительственные расходы на начальное образование увеличились в два раза с 1896 г. по 1900 г., еще в два раза — с 1901 г. по 1907 г. и в 4 раза — с 1907 г. по 1917 г. На относительно высоком уровне находилось гимназическое образование, поднимался уровень инженерного образования:³⁴ в 1898–1914 гг. было открыто четыре политехнических института. Росла сеть коммерческих училищ: их число увеличилось с 8 в 1894 г. до 260 в 1916 г. Развивалась наука: накануне Первой мировой войны в России действовало 298 научных учреждений. Особенно востребованными были

³¹ Вишневецкий А. Указ. соч. С. 79.

³² См.: Рашин А. Г. Указ. соч. С. 104–110.

³³ Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII — начало XX в.). Т. 2. СПб., 1999. С. 294.

³⁴ См.: Красильщиков В. А. Указ. соч. С. 39.

²⁹ Там же. С. 20, 21.

³⁰ См.: Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 88.

работы ученых Императорской академии наук (с 11 июля 1917 г. Российской академии наук) в годы войны, когда было налажено взаимодействие академической науки и власти. Академик В. Н. Ипатьев стал личным докладчиком императора Николая II по вопросам науки. Для мобилизации ресурсов, необходимых для обороны, в 1915 г. была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС) во главе с академиком В. И. Вернадским, которая действует до наших дней.³⁵

Что касается отношения российской интеллигенции к успехам в деле форсирования модернизации страны, то оно было далеко не однозначно. Наряду с позитивной оценкой больших достижений в области науки и культуры, в пореформенный период наблюдалось крайне негативное отношение к вопросам предпринимательства, торговли, банковско-финансового дела, вообще капиталистического накопления и буржуазного уклада, что было следствием традиционного православного мировоззрения. Значительная часть интеллигенции и многочисленные политические партии, появившиеся в ходе и после революции 1905–1907 гг., отчаянно критиковали царизм, нередко доходили до самых радикальных западных идей (в первую очередь, социал-демократы), но одновременно испытывали ностальгию по старым добрым временам. Неспособность адекватно соотнести традиции российской действительности с реалиями индустриальной эпохи вела к потере времени, напрасным жертвам, отсутствию эффективной программы действий в новых условиях.

Выбор оптимального пути развития был осложнен старыми разногласиями в вопросе о перспективах развития России, что наиболее ярко проявлялось в спорах западников со славянофилами. Их дискуссии сводились преимущественно к вопросу о путях общественно-политического переустройства страны и ее культуры, но они почти не касались технологических новаций, в связи с чем В. О. Ключевский заметил, что трудности России заключались в отставании от зарождающейся буржуазной индустриализации.³⁶ Продолжатели этого спора народники, исповедовавшие теорию аграрного (крестьянского) социализ-

ма, не видели в России особых перспектив для развития крупной промышленности. Позднее, критикуя западную практику первоначального накопления капитала и форсирования индустриализации, они высказались за так называемую «самоиндустриализацию», основанную не на массовом разорении крестьянства, а на улучшении его жизненных условий. Их противники — социал-демократы — признавали значимость индустрии, но рассматривали ее прежде всего сквозь призму форсирования процесса формирования развития рабочего класса и его классовой борьбы на пути к социализму.

Правые партии неуклонно выступали за самобытное развитие страны, за сохранение самодержавия и традиционного уклада. «Союз русского народа» ратовал «за Веру, Царя, Отечество, за Престолонаследие».³⁷ Обращение «Русского Собрания» к избирателям на выборах в Государственную думу в ноябре 1905 г., несмотря на реальные действия царского правительства по форсированию капиталистической модернизации, призывало: «Хозяйственная политика должна иметь своим руководящим началом взгляд на Россию, как на страну преимущественно крестьянскую и земледельческую, и своею целью благоустройство крестьянства путем улучшения сельскохозяйственной культуры, развития кустарных промыслов и увеличения площади крестьянского землевладения».³⁸ В итоге Россия вступила в XX столетие не только со слаборазвитой индустрией, но и без определенных перспектив ее развития в будущем, что обрекало страну на дальнейшее отставание от цивилизованного мира, твердо вставшего на позиции индустриализма со всеми вытекающими отсюда модернизационными последствиями.

Между тем модернизация приносила свои плоды в социальной сфере. Численность населения России в интервале 1867–1913 гг. ежегодно увеличивалась на 1,5 %, тогда как в среднем по Европе — только на 0,95 %. «Кембриджская экономическая история Европы» объясняет это резким снижением уровня смертности, главным образом в сельских районах.³⁹ Конечно, это правильно, но надо

³⁵ См.: Колчинский Э. И. Первая мировая война и мобилизационная модель организации науки // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85, № 3. С. 262, 265.

³⁶ Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций: в 3 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 357.

³⁷ Правые партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Документальное наследие. Правые партии: Документы и материалы. Т. I: 1905–1910 гг. М., 1998. С. 71.

³⁸ Там же. С. 73.

³⁹ Кембриджская экономическая история Европы... С. 160.

помнить, что население всей страны в то время было по преимуществу сельским (до 85 %), на селе следствие модернизации проявлялось в ускоряющемся темпе роста санитарной грамотности. По составу населения Россия оказалась самой молодой страной в Европе, но значительная часть молодежи погибла в ходе Первой мировой и Гражданской войн; оставшиеся в живых и их дети вершили уже не царскую, а сталинскую модернизацию.

Ожидаемая продолжительность жизни в 1904–1913 гг. в России составляла у мужчин 32,4 года, а у женщин — 34,5 лет, в то время как в Англии — соответственно 51,5 и 55,4 года.⁴⁰ Ежегодный темп роста ВВП на душу населения в России в 1870–1913 гг. составлял 1,07 %, а в Англии — лишь 0,97 %, тогда как индекс человеческого развития опережал российский почти вдвое.⁴¹ Сказалось значительно более раннее включение Англии в модернизационный процесс. В России, как и во всей Европе, модернизация привела к массовому женскому труду вне дома. К 1898 г.

в Московской губернии не менее 25 % взрослых женщин было занято за пределами села в неаграрном секторе.⁴² В результате модернизации заметно повысился уровень жизни населения, но это увеличение не соответствовало требованиям времени и ожиданиям современников.

Таким образом, в силу догоняющего характера российской имперской модернизации ее основным актором было государство, которое форсировало социально-экономическую трансформацию не столько для того, чтобы перейти от традиционного аграрного к современному индустриальному обществу, сколько для сохранения полуфеодального строя и укрепления его обороноспособности. В результате создать цельную национальную стратегию современной для того времени модернизации не удалось. Она ограничилась фрагментарными преобразованиями, не затрагивая основ существующего государственного устройства, что привело в начале XX в. к трем революциям.

Veniamin V. Alexeev

Academician of the RAS, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: veniaminalekseev7@mail.ru

THE STATE AS AN ACTOR IN MODERNIZATION OF RUSSIA AT THE TURN OF THE 19th–20th CENTURIES

The article describes the role of state in modernization of Russia at the end of the imperial period. The empire as the main actor of modernization process during the period of reforms instead of accelerating the transition from the traditional agrarian to the modern industrial society, which was the main task of modernization process, was rather focusing on creating an industrial base for strengthening the defense potential of the state. This was manifested in intensive railway construction efforts, building of the “coal and steel” economy, urbanization, development of mass education system, and greater emphasis on fundamental research. However, the government failed to create a holistic concept for the Russian modernization model, new state order system, an industrial policy, or social and cultural development model, indirect consequences of which were the three successive revolutions of the beginning of the 20th century.

Keywords: *actor, state, demography, railway construction, factory, Empire, industrialization, capital, capitalism, metallurgy, modernization, science, defense, industrial policy, the revolution, urbanization, feudalism*

REFERENCES

Alekseev V. V. *Rossiya v moderniziruyushchetsya mire* [Russia in the modernized world]. Istoriya Rossii. Teoreticheskie problemy. Modernizatsionnyy podkhod v izuchenii rossiyskoy istorii — History of Russia. Theoretical problems. Modernization approach in studying of the Russian history. Moscow: Institut rossiyskoy istorii Publ., 2013, pp. 198–230. (in Russ.).

⁴⁰ Там же. С. 162.

⁴¹ Там же. С. 164.

⁴² Там же. С. 169.

- Alekseev V. V., Sapogovskaya L. V. *Istoricheskiy opyt promyshlennoy politiki v Rossii* [Historical experience of industrial policy in Russia]. Ekaterinburg: Akademkniga Publ., 2000. 100 p. (in Russ.).
- Vitte S. Yu. *Sobranie sochineniy i dokumentalnykh materialov* [Collected works and documentary materials]. Vol. 1, No. 2, Part. 2, Moscow: Nauka Publ., 2006. 729 p. (in Russ.).
- Vishnevskiy A. *Serp i rubl: Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and rouble: Conservative modernization in the USSR]. Izd. 2-e, Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2010. 429 p. (in Russ.).
- Gregori P. *Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX — nachalo XX): Novye podschety i otsenki* [Economic growth of the Russian Empire (the end of XIX — the beginning of the XX century): New calculations and estimates]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003. 255 p. (in Russ.).
- Dokladnaya zapiska Vitte Nikolayu II* [Report to Witte Nicholas II]. Istorik-marksist — Historian Marxist, 1935, No. 2/3, pp. 131–139. (in Russ.).
- Kamenskiy A. B. *Ot Petra I do Pavla I: Reformy v Rossii XVIII veka: Opyt tselostnogo analiza* [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia the XVIII century: Experience of the complete analysis]. Moscow: RGGU Publ., 1999. 575 p. (in Russ.).
- Kembridzhskaya ekonomicheskaya istoriya Yevropy novogo i noveyshego vremeni* [Cambridge economic history of Europe of modern and latest times]. Vol. 2, Moscow: Institut Gaydara Publ., 2013. 615 p. (in Russ.).
- Klyuchevskiy V. O. *Russkaya istoriya: polnyy kurs lektsiy: v 3 kn* [Russian history: full course of lectures: in 3 books]. Moscow: Mysl Publ., 1993. Vol. 2. 455 p. (in Russ.).
- Kolchinskiy E. I. *Pervaya mirovaya voyna i mobilizatsionnaya model organizatsii nauki* [World War I and mobilization model of the organization of science]. Vestnik Rossiyskoy akademii nauk, 2015, vol. 85, No. 3, pp. 261–268. (in Russ.).
- Krasilshchikov V. A. *Vdgonku za proshedshim vekom: Razvitie Rossii v XX veke s tochki zreniya mirovykh modernizatsiy* [After last century: Development of Russia in the XX century from the point of view of world modernizations]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1998. 261 p. (in Russ.).
- Lyashchenko P. I. *Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR* [History of a national economy of the USSR]. Vol. 2, Moscow: Politizdat Publ., 1948. 735 p. (in Russ.).
- Mau V. A. *Sochineniya* [Compositions]. Vol. 1. Moscow: Delo Publ., 2010. 710 p.
- Mironov B. N. *Sotsialnaya istoriya Rossii (XVIII — nachalo XX.)* [Social history of Russia (XVIII — the beginning of the XX century)]. Vol. 2, St-Petersburg: Dmitriy Bulanov Publ., 1999. 566 p. (in Russ.).
- Pravye partii: dokumenty i materialy* [Right-wing parties: documents and materials]. Vol. 1. 1905–1910. Moscow: ROSSPEN Publ., 1998. 721 p. (in Russ.).
- Rashin A. G. *Naselenie Rossii za 100 let* [The population of Russia in 100 years]. Moscow, 1956. 156 p. (in Russ.).
- Sudby Rossii: doklady i zapiski gosudarstvennykh deyateley imperatoram o problemakh ekonomicheskogo razvitiya strany (vtoraya polovina XIX v.)* [Destinies of Russia: reports and notes of statesmen to emperors about problems of economic development of the country (the second half of the XIX century)]. St-Petersburg: Liki Rossii Publ., 1999. 360 p. (in Russ.).
- Khobsbaum E. *Vek revolyutsii. Yevropa 1789–1848* [Century of revolution. Europe 1789–1848]. Rostov on Don: Feniks Publ., 1999. 480 p. (in Russ.).
- Shatsillo K. F. *Ot Portsmutskogo mira k Pervoy mirovoy voyne: Generaly i politika* [From the Portsmouth world to World War I: Generals and policy]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN Publ., 2000. 399 p. (in Russ.).
- Petrov Yu. A. *Gosudarstvennyy byudzheth Rossiyskoy imperii* [State budget of the Russian Empire]. Available at: <http://www.protown.ru/information/hidden/6612.html> (accessed 20.07.2015)